

Ян Дайфу оставляет рецепт, объясняет старшей служанке, что ей нужно сделать. Основа тела Цзи Хана в порядке, он догадывается, что он не должен быть в состоянии покинуть свою кровать и ходить вокруг в течение нескольких дней, способный полностью восстановиться после пары месяцев самосовершенствования.

Однако Чжао Цзяньюй по-прежнему удручённо опускает голову, в душе он думает о том, как уже заставил Цзи Хана одним ударом ладони сплюнуть кровь, в голове он крайне расстроен.

Он сидит в углу очень далеко от кровати, видит, как старшая служанка и служанки подают Цзи Хану чашу белого отвара, чтобы выпить, лекарство ещё не было приготовлено. Затем они должны помочь Цзи Хану лечь и отдохнуть ещё раз.

Однако Цзи Хань совсем не хочет ложиться, он шепчет что-то на ухо старшей служанке. Затем старшая служанка поворачивает голову, чтобы подойти к Чжао Цзяньюй с лицом, полным глубокого смысла, и говорит: - Чжао, Цзяочжу просит тебя пойти поговорить.

Чжао Цзяньюй сразу же думает, что ослышался.

Старшая служанка говорит с улыбкой: — Чжао Гонзи, ты никогда не сможешь заставить Цзяочжу подойти.

Чжао Цзяньюй уходит.

На лице Цзи Хана уже проступает румянец, только две его губы всё ещё бледны, дыхание слабое, речь тоже кажется слабой и лишенной силы.

Чжао Цзяньюй неизбежно чувствует себя ещё более виноватым.

Если бы он не настаивал на том, чтобы притвориться больным, Цзи Хань абсолютно не пострадал бы, если бы он не настаивал на облегчении Цзи Хана, Цзи Хань абсолютно не стал бы плевать кровью.

Он почти полностью все испортил.

Цзи Хань смотрит ему в глаза, медленно произносит его имя: — Чжао Цзяньюй.

Чжао Цзяньюй уже опускает голову от стыда, и собирается уйти.

Цзи Хань говорит: — Я получил чрезвычайно серьёзные внутренние повреждения, первоначально в моей груди была свернувшаяся кровь.

Расстроенный Чжао Цзяньюй говорит: — Я не должен был бить тебя в тот раз.

Цзи Хань: — Я выплюнул всю свернувшуюся кровь из моей груди, а не кровь, вызванную ударом твоей ладони.

Чжао Цзяньюй:— ...

Цзи Хань продолжает: — Но твой единственный удар был всё ещё довольно болезненным.

Когда Цзи Хань говорит это, выражение его лица обычное, без малейшего гнева в его манере.

Чжао Цзяньюй: — Это моя вина.

— Тебе не нужно признавать свою вину. - Цзи Хань немного задумывается, немного колеблется, но всё же открывает рот... — Ты уже давно не отдыхал как следует.

Чжао Цзяньюй тупо смотрит на него.

У него нет времени говорить, старшая служанка уже прерывает его, чтобы сказать: — После того, как Цзяочжу был серьёзно ранен и потерял сознание, Чжао Гонзи не закрывал глаза.

Выражение Цзи Хань, по-видимому, значительно сложнее.

Чжао Цзяньюй говорит: — Я отдохнул.

Цзи Хань: — Отдохнул, не опираясь на кровать?

Чжао Цзяньюй говорит: — Я воинственный человек, это ничего не значит.

Цзи Хань хмурит брови, поворачивает голову и приказывает старшей служанке привести в порядок соседний дом.

— Я уже проснулся, и тебе не нужно дежурить здесь. - Цзи Хань говорит Чжао Цзяньюй:
— Я велел им привести в порядок соседний дом, пойдти туда и хорошенько отдохни.

Чжао Цзяньюй прячет мешочек с кедровыми леденцами в своей груди, думая про себя, что он не дождался, пока Цзи Хань примет лекарство, и торопливо говорит: — Это не проблема, я уже немного отдохнул.

Когда Чжао Цзяньюй серьёзно обдумывает это, он продолжает: — Мне этого достаточно.

Цзи Хань: — ...

Он больше ничего не говорит, похоже, уже чувствуя себя измученным.

Старшая служанка уже тащит Чжао Цзяньюй за дверь.

— Чжао Гонзи, сначала отдохни. - говорит она: — Никто не может вылечить твои раны, твоё тело продолжает изнашиваться.

Чжао Цзяньюй вынужден кивнуть.

Он возвращается в соседний дом, сознательно умывается, вспоминая, что произошло за эти два дня, в его голове всё ещё царит некоторый хаос.

Он думает о деле Вэнь Чжанлао, которое он должен обсудить с Цзи Ханом, однако сейчас не время, травмы Цзи Хана слишком серьёзны.

Есть также те два убийцы, он не знает, что спрашивают из уст секты демонов, а выудить информацию об их клиенте, скорее всего, очень трудно. Он беспокоится, так как в первый раз они не смогли убить, будет снова второй раз, если первый раз, к счастью, удастся, это не очень хорошо.

Вдруг кто-то приходит и стучит в его дверь.

Чжао Цзяньюй узнаёт, что это горничная из комнаты Цзи Хана, молодая леди носит тёмно-зелёную длинную юбку на всем теле, в руках она держит декоративно вырезанную коробку с едой, улыбаясь, когда она передаёт ему эту вещь.

— Цзяочжу слышал, что Чжао Гонзи до сих пор ничего не ел. Он специально приказал мне прийти и доставить это. - она моргнула, — эти несколько дней Цзяочжу не выносит жирной пищи, поэтому это несколько лёгкий гарнир, он также не знает, что Чжао Гонзи привык есть.

Чжао Цзяньюй говорит: — Большое спасибо.

— Юная леди совсем не торопится уходить, - сказал Цзяочжу также, - если Чжао Гонзи, ты не привык есть это, то что бы ты хотел съесть? Просто закажи и кухня сделает это, мастерство повара хорошо.

Чжао Цзяньюй: — Я привык это есть.

Молодая леди возвращается, чтобы доложить о своей завершённой миссии. Чжао Цзяньюй

открывает коробку с едой, кроме белого отвара внутри только зелёные овощи и тофу, очень лёгкие.

Но это, однако, то, что Цзи Хань специально приказал людям прийти и доставить ему.

Он кладёт одну из них между палочками для еды. Он кладет в рот зелёный овощ.

Судя по реакции Цзи Хана и его отношению к нему сегодня, Чжао Цзяньюй знает, что он уже не так далёк от успеха.

Он глубоко вздыхает, не понимая, почему ему кажется, что он жуёт воск.

<http://bllate.org/book/15471/1366701>